

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Въ свое время большую сенсацію въ обществѣ произвелъ фактъ перехода въ исламъ православнаго священника Уфимской епархіи И. Громова. Трудно было подыскать какія-либо основанія для объясненія такого дѣйствительно поразительнаго поступка со стороны православнаго священника. Теперь появились въ печати вполне надежныя свѣдѣнія объ этомъ отступникѣ отъ христіанства, извлеченныя изъ дѣла о немъ Уфимской консисторіи и изъ сообщеній хорошо знающихъ его похождения частныхъ лицъ. Эти свѣдѣнія, въ достаточной степени объясняющія удивительный поступокъ бывшаго православнаго священника, могутъ быть интересны и въ другомъ отношеніи.

Въ „извѣстіяхъ по казанской епархіи“, гдѣ помѣщены эти надежныя свѣдѣнія, мы читаемъ: „Бывшій отецъ Громовъ не ивородецъ, какъ утверждаютъ нѣкоторыя духовныя лица изъ русскихъ, не благовольтельно относящіяся къ нашему инородческому духовенству, а природный русскій человекъ, даже совсѣмъ не знающій инородческихъ языковъ, сынъ дьякона села Березовки, Бирскаго уѣзда, 60 слишкомъ лѣтъ. Учился онъ въ уфимскомъ дух. училищѣ, но очень немного; въ 1867 г. онъ былъ исключенъ изъ средняго отдѣленія училища за безуспѣшность и поступилъ въ дьячки въ село Александровку, Мензелинскаго уѣзда. 1873 г. за пьянство и другія художества былъ уволенъ за штатъ, но года черезъ два архіерей Никаноръ (послѣ архіепископъ одесскій) выскалъ его своею милостью и въ 1875 г. опредѣлилъ псаломщикомъ къ Мензелинскому собору. Новый псаломщикъ оказался знающимъ пѣніе, сдѣлался регентомъ соборнаго храма и преподавателемъ пѣнія въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ.

Въ 1883 г. преосвящ. Никаноръ, самъ большой любитель и знатокъ церковнаго пѣнія, рукоположилъ его въ діакона къ тому же собору сверхъ штата. Преемникъ преосвящ. Никанора, Діонисій относился къ нему также милостиво и перевелъ его въ 1885 г. штатнымъ діаконѣмъ къ Златоустовскому Троицкому собору. Здѣсь онъ прослужилъ съ полгода, потомъ переведенъ былъ за что-то въ село Аскинъ, Бирскаго уѣзда. Съ этого времени начинаются частыя его перекочевки съ мѣста на мѣсто; послѣ Аскина онъ служилъ въ с. Шемякѣ—Уфимскаго уѣзда, въ Димитріевкѣ, Теодоровкѣ, Маздынѣ. Въ 1900 году при преосвящ. Антоніи ему удалось какъ-то получить санъ священника; онъ опредѣленъ былъ священникомъ въ село Батрасъ Мензелинскаго уѣзда, гдѣ и служилъ до 1 іюня 1903 года, пока не былъ уволенъ за штатъ.

На всѣхъ мѣстахъ своего служенія онъ предавался неумѣренному пьянству (запою) и зазорной жизни. Лѣтъ 25 тому назадъ у него умерла жена, оставивъ ему двухъ малолѣтокъ дочерей,—теперь обѣ онѣ замужемъ. Къ нимъ понадобилась няня и стала сожительницей о. Громова. За ней, послѣ ея смерти, явилась другая, а потомъ и третья, отъ которой онъ прижилъ дѣвочку Татьяну, находящуюся теперь при немъ и вмѣстѣ съ нимъ перешедшую въ исламъ. Частныя свѣдѣнія гласятъ, что, когда онъ священствовалъ въ Батрасѣ въ церкви сосѣдняго села Юсупкина, которую онъ временно завѣдывалъ, за смертію мѣстнаго священника, пропалъ старинный антиминъ XVII столѣтія; общая молва говорила, что антиминъ этотъ былъ похищенъ имъ и проданъ раскольникамъ за 10,000 рублей. Въ подтвержденіе этого приводили то, что послѣ увольненія за штатъ онъ скрылся изъ Уфимской епархіи и ушелъ къ раскольникамъ. Его видали у раскольниковъ въ Нижнемъ; онъ совершалъ у нихъ богослуженія и исполнялъ разныя требы. Узнавъ объ этомъ, уфимское епархіальное начальство распорядилось запретить его въ священнослуженіи. Раскольники однако не долго продержали у себя это сокровище.

Въ 1906 г. онъ явился къ своему уфимскому епархіальному начальству въ видѣ раскаявшагося грѣшника и просилъ дать ему опять какое нибудь, хоть причетническое мѣсто. Но епархіальное начальство назначило сначала слѣдствіе

объ его служеніи у раскольниковъ, а его самого отпратило пока въ Воскресенскій единовѣрческій монастырь въ г. Златоустѣ.

Въ началѣ 1907 года онъ самовольно ушелъ изъ монастыря и 29 января подалъ уфимскому губернатору просьбу о переходѣ въ магометанство. При производствѣ этого позорнаго дѣла на допросѣ въ Уфимской консисторіи (2 апрѣля) Громовъ показалъ, что онъ переходитъ въ исламъ по твердому убѣжденію и вполнѣ сознательно и не желаетъ слушать никакихъ увѣщаній: послѣ этого дух. консисторія постановленіемъ 2 апрѣля, утвержденнымъ отъ преосвященнаго 11 апрѣля, опредѣлила лишить запрещеннаго въ священнослуженіи священника Громова его сана, какъ не имѣющаго твердаго христіанскаго наученія и легко мѣняющаго свои религіозныя убѣжденія изъ-за матеріальныхъ интересовъ. Св. Синодъ, которому донесено было обо всемъ ходѣ дѣла, постановилъ, какъ уже извѣстно, отлучить отступника отъ церкви, что на-дняхъ было публично исполнено въ Уфимскомъ соборѣ“.

Приведенныя свѣдѣнія вполнѣ ясно обрисовываютъ личность Громова. Это—человѣкъ, у котораго нравственная фізіономія всегда была весьма подозрительна.

Теперь очень много разсуждаютъ о томъ, лучше-ли станеть, если будетъ допущено выборное начало въ духовенствѣ, или это принесетъ еще больше вреда. Нерѣдко приводятъ факты для доказательства, что выборное начало можетъ только ухудшить и безъ того неважное положеніе нашего духовенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего церковнаго дѣла. Но намъ кажется, что выборное начало все же лучше того порядка, который господствуетъ теперь. Ошибку, допущенную при выборномъ началѣ, можетъ еще исправить епархіальный епископъ, который въ крайнемъ случаѣ, имѣя неопровержимыя данныя, можетъ не посвятить въ санъ священника или діакона выбраннаго приходомъ кандидата. Но ошибка, допущенная при господствующемъ способѣ поставленія въ іерархическія степени, не можетъ быть исправлена никѣмъ помимо самого епископа, который въ правѣ не считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. При выборномъ началѣ едва-ли имѣлъ бы мѣсто случай, подобный случаю съ Громовымъ. А если бы и былъ, то отвѣтственность за

него падала бы не на епископовъ, а на тѣхъ, кто избралъ бы его, какъ достойнаго кандидата въ священники.

Быстрый ростъ сектантства заставляеть духовную власть удѣлять въ настоящее время довольно много вниманія вопросу о мѣрахъ борьбы съ сектантской пропагандой. Для того, чтобы задержать развитіе сектантства указывается и рекомендуется много и при томъ довольно разнообразныхъ средствъ, не исключая уже испытанныхъ и признанныхъ не достигающими своей цѣли. Но чтобы поставить борьбу съ сектантствомъ такъ, чтобы эта борьба приносила желанные результаты, необходимо предварительно выяснитъ, въ чемъ собственно кроется секретъ успѣха сектантской пропаганды; чѣмъ привлекаеть къ себѣ сектантство? Можетъ быть, для того, чтобы парализовать усиленное распространеніе сектантства, не бесполезно прибѣгать къ тѣмъ способамъ, которыми пользуются сектанты. Иногда приходится бороться съ врагомъ его же оружіемъ.

Отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ заключается причина успѣха сектантской пропаганды, даетъ неизвѣстный авторъ на страницахъ „Полоцкихъ Еп. Вѣд.“ Разсужденія автора представляютъ тѣмъ большую цѣнность, что они основаны на его личныхъ воспоминаніяхъ и наблюденіяхъ. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ авторъ, я былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ довольно извѣстной въ сектантскомъ мірѣ Котельской общиной пашковцевъ (въ Ямбургскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губ.). Отношенія эти одно время были такъ близки, что сосѣди мои начали было уже поговаривать о моемъ совращеніи въ секту, а со стороны главарей сектантской общины я неоднократно слышалъ если не явныя предложенія, то весьма прозрачныя намеки на то, что въ случаѣ моего перехода къ нимъ, я занялъ бы въ ихъ общинѣ весьма почетное положеніе. Это было въ періодъ моего религіознаго шатанія, который, какъ я полагаю, въ извѣстной мѣрѣ переживаетъ всякій болѣе или менѣе мыслящій и религіозный человѣкъ. Отъ измѣны православію я, слава Богу, былъ всегда далекъ. Отъ этого я, такъ сказать, былъ застрахованъ и своимъ духовнымъ происхожденіемъ, всегда обуславливающимъ болѣе или менѣе церковность въ дѣтскомъ воспитаніи, и обученіемъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и своей довольно продолжительной учительской

службой въ церковной школѣ. Я всегда былъ твѣдо увѣренъ въ томъ, что православная церковь есть единственная церковь съ неповрежденнымъ ученіемъ Христовымъ и въ то же время ясно сознавалъ тѣ ужасныя и многочисленныя нестроенія въ нашей церковной жизни, которыя довели нашу церковь до такого упадка и искорененіе которыхъ возложено на предстоящій всероссійскій церковный соборъ. То время, къ которому относится настоящій разсказъ, было время мрачное, безпросвѣтное. Ни о какихъ церковныхъ реформахъ тогда не могло быть и рѣчи, а всякое проявленіе религіозной пытливости и свободомыслія разсматривалось духовными и гражданскими властями какъ тяжкое преступленіе. Особенно плохо приходилось тогда сектантамъ. Духовенство въ союзъ съ полиціей устраивало на нихъ настоящія облавы и привлекало ихъ къ суду за самыя невинныя молитвенныя собранія съ пѣніемъ псалмовъ и чтеніемъ Слова Божія. Одно это уже окружало сектантовъ ореоломъ мученичества за вѣру, а православныхъ выставяло въ весьма невыгодномъ свѣтѣ гонителей. Особенно же великую притягательную силу имѣла необычайная внѣшняя порядочность сектантовъ, ихъ всегдашняя глубокая религіозность, проникавшая весь строй ихъ домашней и общественной жизни и необычайные, просто таки чудесные успѣхи ихъ проповѣдниковъ въ средѣ нашей темной православной крестьянской массы. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что все, что было, въ мѣстной православной средѣ болѣе просвѣщеннаго и сознательнаго бросилось въ пашковщину или по крайней мѣрѣ невольно тяготѣло къ ней. Какъ тутъ было не увлечься? Хотя повторяю, я и не думалъ никогда перейти въ пашковщину, но, признаться, не разъ мечталъ о соединеніи пашковщины съ православіемъ, о томъ, чтобы соединить внѣшнюю тактическую христіанственность первой съ неповрежденной вѣроисповѣдной истинностію и чуднымъ церковнымъ благолѣпіемъ послѣдняго. Впослѣдствіи, когда я основательно и всесторонне ознакомился съ пашковщиной, я окончателно разочаровался въ ней и понималъ, что православіе и пашковщина двѣ вещи несоединимыя, какъ огонь и вода, свѣтъ и мракъ, праведность и беззаконіе. Потомъ, я вскорѣ окончателно порвалъ съ пашковщиной и съ жожаками ея съ тѣхъ поръ не имѣлъ уже почти никакого обще-

нія. Какъ все это произошло, я когда нибудь расскажу подробно, теперь же остановлюсь пока на одномъ пунктѣ, именно—на необыкновенномъ успѣхѣ въ народной средѣ сектантскихъ простецовъ-проповѣдниковъ, по сравненію съ которыми, лучшіе изъ извѣстныхъ лицъ высокоученыхъ и несомнѣнно-талантливыхъ православныхъ миссіонеровъ всегда являлись самыми жалкими неудачниками.

Описывать успѣхи сектантскихъ проповѣдниковъ болѣе или менѣе подробно я здѣсь не буду; скажу только, что подъ влияніемъ ихъ проповѣди на многихъ глазахъ происходили самыя необычныя превращенія. Самый потерянный въ нравственномъ отношеніи человѣкъ превращался нерѣдко въ высоко-нравственнаго и глубоко-религіознаго. Человѣкъ, который, быть можетъ, отродясь не держалъ книги въ рукахъ, пьянствовалъ, развратничалъ, мошенничалъ и вообще думалъ о религіи почти столько же, сколько о прошлогоднемъ снѣгѣ, вдругъ, послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ пашковскимъ проповѣдникомъ становился совершенно неузнаваемымъ. Въ теченіе какого-либо полугода онъ становился грамотнымъ, трезвымъ и въ высшей степени порядочнымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Черезъ годъ—два онъ уже носитъ въ боковомъ карманѣ „Новый Завѣтъ“, никогда не расстается съ нимъ, знаетъ его чуть ли не весь наизусть, всякій разговоръ съумѣетъ свести на религіозную почву, является яркимъ пропагандистомъ своего новаго вѣроученія и любому православному батюшкѣ изъ заурядныхъ семинаристовъ можетъ преподнести такое возраженіе отъ Писанія, что тотъ долго будетъ почесывать затылокъ прежде чѣмъ найдетъ возразить что либо путное.

Что же за чудодѣи такіе эти сектантскіе проповѣдники? Что они изъ себя представляютъ, и въ чемъ заключается ихъ столь необычная проповѣдническая сила? Я близко зналъ нѣсколько такихъ проповѣдниковъ. На первый взглядъ это были самыя обыкновенные крестьяне или мѣщане по роду занятій—преимущественно ремесленники. Какой-нибудь такой сапожникъ ходитъ изъ дома въ домъ со своимъ неизмѣннымъ мѣшкомъ за плечами и Новымъ Завѣтомъ въ карманѣ и не столько работаетъ, сколько проповѣдуетъ. Какъ я сказалъ уже, всякій разговоръ онъ съумѣетъ свести на религіозную почву; о всемъ, что не касается религіи,

онъ говоритъ весьма неохотно, а разъ только дѣло коснулось ея, тутъ ужъ онъ неистощимъ. Онъ готовъ говорить съ вами и день и ночь, забывая и про сонъ и про пищу. Онъ весь горитъ проповѣдническимъ огнемъ, онъ самъ весь проникнуть тѣмъ, что проповѣдуетъ. Искренность его и доброжелательность къ вамъ внѣ всякаго сомнѣнія. Вы это чувствуете и невольно поддаетесь его вліянію, тѣмъ болѣе, что твердое знаніе Священнаго Писанія и глубокое религиозное воодушевленіе дѣлаетъ рѣчь его плавной, стройной и весьма содержательной. Самое же главное то, что слово проповѣдника не расходится съ его дѣломъ. Уча другихъ жить по Слову Божию, онъ самъ свою жизньъ всѣми силами старается представить живую иллюстрацію къ своей проповѣди. Да и жизньъ всей вообще сектантской общины построена на принципахъ Евангелія. Тамъ и самое тѣсное, истинно - братское взаимообщеніе вѣрующихъ, и широкая взаимопомощь, и всегдашняя готовность поддержать и матеріально и нравственно вступающаго въ общину новичка“.

Вотъ что создаетъ успѣхъ сектантской пропаганды. Какъ видно, способы распространенія сектантами своего ученія не представляютъ собой чего-либо необычнаго. Это обычные естественные способы, къ которымъ прибѣгаетъ всякій искренно убѣжденной въ правотѣ принятаго имъ ученія, желая приобщить къ своему обществу тѣхъ, кто еще не принадлежитъ къ нему. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти способы по своему существу таковы, что борются съ распространеніемъ сектантства возможно только тѣми же средствами. Всѣ другія мѣры не могутъ быть въ такой степени дѣйствительными. Для того, чтобы парализовать успѣхъ сектантской пропаганды, необходимо добиться того, чтобы жизнь послѣдователей православной церкви была воплощеніемъ ея ученія. Между тѣмъ, какъ „ни тяжело, а приходится сознаться, пишутъ „Екатеринослав. Еп. Вѣд.“, что ученіе православной церкви и жизнь ея послѣдователей диаметрально противоположны. Не разъ приходилось слышать отъ сектантовъ и колеблющихся православныхъ: „Ученіе православной церкви хорошо, да христіане-то православные живутъ, какъ язычники: что ни воръ, что ни пьяница, что ни развратникъ,—то православный. Ихъ никто не учитъ, никто не заботится объ ихъ исправленіи. У православныхъ нѣтъ церковной дисциплины,

православные не заботятся о вдовыхъ и сиротахъ,—словомъ, не исполняютъ завѣтовъ евангельскихъ. Никто не можетъ отрицать, что въ этихъ и подобныхъ нареканіяхъ есть доля правды. Православному полемисту приходится доказывать несостоятельность въ существѣ дѣла правдивыхъ нареканій, доказывать, что мѣры церковнаго наказанія примѣняются къ грѣшникамъ, но гдѣ-то далеко, а не въ селахъ, гдѣ жизнь православныхъ христіанъ способствуетъ развитію сектантства, что у православныхъ развита благотворительность, но опять-таки она не касается бездомныхъ, безпріютныхъ деревенскихъ поселянъ. Выходитъ то, что православный полемистъ доказываетъ истинность вѣроученія православной церкви, всю высоту его нравственнаго ученія, только не оправдываемаго жизнью сектантскихъ односельчанъ. Сектанты же несостоятельные въ своемъ ученіи, увлекаютъ своею жизнью, по крайней мѣрѣ, по наружности, чуждою тѣхъ пороковъ и недуговъ, какими страдаютъ наши православные братья. Praeserta docent, exempla trahunt“. И это правило должно относиться не только къ рядовымъ послѣдователямъ православной церкви, но и къ ихъ руководителямъ, къ тѣмъ, кто печалится и скорбитъ по поводу отпаденій отъ православной церкви, кто изыскиваетъ мѣры для борьбы съ сектантствомъ. И только тогда ростъ сектантства прекратится, когда жизнь православной церкви будетъ неходиться въ полномъ согласіи съ ея ученіемъ. Но чтобы достигнуть этого, нужно сдѣлать весьма и весьма многое. Причины разлада между ученіемъ и жизнью въ православной церкви коренятся не только въ людскомъ невѣжествѣ. Они нерѣдко имѣютъ подъ собою болѣе глубокія основанія. Устранить эти причины нельзя единоличнымъ усиліемъ. Здѣсь нуженъ голосъ всей церкви, для этого нуженъ Соборъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ немощные и колеблющіеся сыны православной церкви.
